

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

6

И Ю Н Ъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Софинов П.—Сочинения И. В. Сталина как источник для изучения истории гражданской войны в СССР	3
Турок В.—От плана Дауэса к гарантийному пакту	22
Ратнер Н.—Возникновение хорватско-венгерского соглашения 1868 года	42
Струмилици С.—Экономическая природа первых русских мануфактур	60

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Сладкевич Н.—К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой	71
Самойлов В.—Возникновение тайной экспедиции при сенате	79

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Бак. И.—Ляшенко П. История народного хозяйства СССР. Т. I	82
Тихомиров М.—О некоторых болгарских исторических трудах	89

РЕЦЕНЗИИ

История СССР	
Вейланд О.—М. И. Калинин и питерские рабочие	94
Разгон И.—Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)	96
Фортунатов П.—Л. Бескровный. Хрестоматия по русской военной истории	101
Пащутто В.—И. П. Еремин. Повесть временных лет	105
Смирнов А.—«Учёные записки». Т. II. Кабардинский научно-исследовательский институт	106

Всеобщая история

Никитин С., Миллер И.—История Чехии	108
Валев Л.—Процесс Николая Д. Петкова. Сб. документов	112
Авербух Р.—К столетию венгерской революции 1848 года	115
Сказкин С., Мейман М.—Девис. Капитализм и его культура	117
Яцунский В.—Лазарев Н. Географические открытия и колониальные завоевания в XVII—XVIII веках; Лазарев Н. Великие географические открытия и колониальные завоевания в XV—XVI веках	121
Гуковский М.—Ромоло Квацца, Гонзаговская дипломатия	122
Барг М.—С. Пейнтер. Исследования по истории английской феодальной баронии	123

ХРОНИКА

Вотинов А.—Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография»	126
Варшавский А., Рыжкова В.—Обсуждение книги И. М. Лемипа в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)	135
Удальцов И.—О работе Института славяноведения Академии наук СССР	140
Зомбе Е.—В секторе истории советского общества Института истории АН СССР	144
Крушкел Ю.—Защита диссертаций на учёном совете исторического факультета Моск. обл. пед. ин-та	150
Тагиров Р.—Работа исторических кафедр Казанского гос. пед. ин-та	152
Королевский С.—О научной работе кафедры истории СССР и УССР Харьковского гос. ун-та имени А. М. Горького	153
Смолянин Л.—Научно-исследовательская работа кафедры истории народов СССР Куйбышевского пед. ин-та	154
Стрельский В.—Центральный государственный исторический архив УССР	155
За рубежом	158

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (главный редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, З. В. Мосина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов.

Адрес редакции Москва, ул. «Правды», 24, комн. 552. Тел. Д 3-31-04.

Л—02595. Изд. № 480. Заказ № 1203. Тираж 33 600.

Подписано к печати 26/VI 1948 г. 10 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Струмилин Станислав Густавович

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПЕРВЫХ РУССКИХ МАНУФАКТУР*

Развитие мелкого товарного производства уже в самом себе содержит зачатки крупной капиталистической мануфактуры и возможности её органического роста. Такая мануфактура «отличается в своём зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих. Мастерская цехового мастера только расширена»¹. С расширением кустарной домины на два — три лишних работника и горна расширяются и возможности накоплений у её хозяина. Кустарь-одиночка, никого не эксплуатирует, и сам в процессе производства не является объектом эксплуатации. Принимая же двух—трёх подручных, он уже, несомненно, эксплуатирует их труд. Но такая элементарная «кооперация» должна ещё значительно расширяться, чтобы перерасти в мануфактуру. Количественную меру этого роста, однако, можно дать с большой дозой условности.

В. И. Ленин присоединялся в этом отношении к следующей градации: «2—3 работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает на-ряду с ними... 5 работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени уже освобождает себя от ручного труда... Коль скоро число наёмных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими: он заводит главного мастера, наблюдающего над рабочими... Здесь он становится уже маленьким капиталистом, настоящим «коренным хозяином»². Но и такой хозяйчик нередко пользуется ещё наряду с наёмным и семейным трудом своих близких. И лишь тогда, когда в его мастерской появляется «от 15 до 30 наёмных рабочих, — роль семейного труда в его мастерских падает, доходя до самой ничтожной величины», вместе с чем «кустарь» «превращается в капиталиста»³. Эту цифру в 15 рабочих мы и могли бы принять за грань, где количество переходит в качество, мелкий буржуа превращается в настоящего капиталиста, а его мастерская — в мануфактуру.

Увеличение числа рабочих на таких предприятиях уже само по себе предreshало и

разделение труда и всё более сложную операцию его в производстве. «Основной всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путём обмена товаров, является отделение города от деревни»⁴. На том же основании, в частности, выросло и мануфактурное разделение труда. Возникшая ещё в недрах феодального общества, «мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всём его объёме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁵. И тем не менее, рассматривая мануфактурное разделение труда как специфически капиталистическую форму производства, Маркс категорически утверждал, что «на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме»⁶.

Эта мысль приобретает для нас особый интерес в свете той контрверзы о характере русской мануфактуры XVII — XVIII вв., которая и доньше ещё не вполне исчерпана в нашей исторической литературе. Уже с очень давних пор целый ряд буржуазных историков высказывался в пользу искусственности и беспочвенности насаждения в крайне отсталой, крепостной России того времени крупной мануфактурной промышленности. Так, например, В. О. Ключевский трактовал петровскую политику протекционизма как «казенно-парниковое воспитание промышленности»⁷. В том же духе писал о петровской мануфактуре и кадетский лидер Милюков: «В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами»⁸. Примыкая во многом к Милюкову, Туган-Барановский в свою очередь сделал программное заявление о том, что созданная Петром крупная промышленность «не была капиталистической». И даже более того: «Социальное и экономическое положение тогдашней России

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 388.

⁵ Там же, стр. 406.

⁶ Там же, стр. 402.

⁷ Ключевский В. «Курс русской истории». Т. IV, стр. 155. М. 1915.

⁸ Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 85—87, 311. СПб. 1909.

* В порядке обсуждения. См. «Вопросы истории» № 12 за 1947 г. №№ 3, 4, 5 за 1948 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 354.

² Ленин. Соч. Т. III, стр. 276.

³ Там же, стр. 271.

было таково, что капиталистическое (т. е. основанное на наёмном труде) производство у нас было невозможно»⁹.

Но если мануфактура XVII—XVIII вв. в России, по мнению этих историков, не была капиталистической, то, естественно, возникает вопрос: как же в таком случае её можно трактовать? Следуя за Туган-Барановским, вся «школа» М. Н. Покровского, как известно, русскую мануфактуру крепостной эпохи стала полностью рассматривать в качестве «крепостной мануфактуры». Однако уже в самом этом словосочетании заложено внутреннее противоречие. Словом «мануфактура» мы обозначаем определённую ступень растущего капитализма, и если словом «крепостная» мы начисто отвергаем в ней это качество, то в результате получается «некапиталистический капитализм». Если же принять, что «мануфактура» может быть всяческая, то мы сразу же вступим в явное противоречие с концепцией Маркса о том, что мануфактурное разделение труда может развиваться только в капиталистической форме. Между тем именно такую антимарксистскую позицию ещё недавно отстаивали М. Н. Покровский и его ближайшие ученики, выпустившие целую серию томов «Крепостная мануфактура». Да, пожалуй, и ныне не перевелись ещё все сторонники той же концепции.

Всю порочность её, однако, может раскрыть лишь научный анализ исторических фактов. Нет никакого сомнения в том, что экономика Московской Руси перед появлением в ней первых мануфактур была весьма отсталой. Верно и то, что первые мануфактуры в России, в том числе и первые доменные заводы, строились по западноевропейским образцам. Но можно ли заключить из этого о некапиталистической природе этих мануфактур, стрившихся по заведомо капиталистическим образчикам? Конечно, нет. Они могли, разумеется, современем, на новой почве изменить эту свою природу.¹⁰

Об экономической отсталости России перед петровской реформой тоже следует судить реалистически. Более чем двухсотлетнее татарское владычество не могло не сказаться на судьбах России, которая за это время отстала в своём экономическом развитии чуть ли не на 200 лет. Напомним, что первая домна на Западе была построена около 1443 г., в России же — не ранее 1636 года. Но, стряхнув с себя татарское иго, Московская Русь уже не стояла на месте. Так, например, возросло число городов в России после свержения этого ига¹⁰ (см. табл.).

⁹ Туган-Барановский М. «Русская фабрика», стр. 21. М. 1938.

¹⁰ Подсчитано П. В. Акимовым по «Общему списку русских городов» К. А. Неволина (Полн. собр. соч. Т. VI). Следует отметить, что максимальный рост городов приходится на XVIII в., а затем в первой половине XIX в. этот прирост резко падает, и если за 1751—1800 гг. возникло 322 новых города, то за следующие 44 года их учтено только 85.

Годы	Число городов		
	Всего	Прирост	
		абс.	в %
1462	666	—	—
1550	715	49	7,3
1649	923	208	29,1
1750	1 218	295	32,0
1814	1 625	407	33,4

Уже в древней Руси было немало городов, недаром варяги называли её «Гардарик» — «Страна городов». Раскопки древнего Новгорода показывают к тому же, что среди них уже были очень крупные центры торговли и промыслов. За время татарщины рост городов, конечно, сильно замедлился. Не велик он ещё и за 1462—1550 годы. Но тем разительнее скачок, ускоренный их рост за последующие столетия после окончательного разгрома татар и взятия в 1552 г. их столицы Казани. Напомним, кстати, что, по весьма неполному подсчёту П. Смирнова, к 1650 г. только в 226 городах насчитывалось свыше 537 тыс. душ городского населения из 11,3 млн. всего населения Московского государства¹¹. Конечно, это были феодальные города, не похожие на современные им промышленные центры, хотя, например, Москва в 1554 г., по свидетельству Ричарда Ченслера, превосходила своими размерами тогдашний Лондон. Но это были те самые феодальные города, рост которых и повсеместно на Западе стал основой мануфактурного разделения труда и самой мануфактуры. Не было никаких препятствий к тому, чтобы и в России на том же, весьма уже широком к XVII в., основании «городского ремесла и сельских побочных промыслов» выросла соответствующая архитектурная надстройка в виде мануфактуры.

В России, например, к этому времени были уже многие сотни кустарных домиц в городах и сёлах. Эти домицы умножались в числе, увеличивались, принимая рабочих, и обзаводились кое-где даже «вододействующими» самоками. Из маленьких доминок в этом «органическом» процессе их роста они, конечно, могли бы современем и самоотёком, без всякого заимствования, вырасти в большие дома нового типа. Но вопле закономерности, что первые высокие доменные печи с выплавкой чугуна вместо сыродутного железа были построены у нас в XVIII в. по заграничному образцу. Такова судьба всех достижений технического прогресса: достаточно нововведению появиться в одной стране, чтобы при наличии экономической эффективности получить распространение и во всех других странах. И в Швеции и в Англии первые домы, как и у нас, появились путём пересадки их из-за границы. Вообще этот метод распространения мануфактур скорее можно рассматривать как правило, чем как

¹¹ Смирнов П. «Города Московского государства» Вып. 2-й К 1919, Училищ. Б. «Рост населения Европы», стр. 190. 1911.

исключение.) Несмотря на все усилия сохранить за собой в секрете, в виде национальной монополии, те или иные производственные достижения первых мануфактур, это никому не удавалось сделать в течение продолжительного времени. Маркс давно уже отметил такой способ распространения мануфактур в виде общего правила: «Мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой»¹². Причём совсем нередко после такой «пересадки» в другую страну, в новой, более благоприятной обстановке такие мануфактуры получали гораздо более успешное развитие, чем у себя на родине. Именно такой случай имел место в доменном производстве после пересадки его в российские условия, столь благоприятные для развития древесно-угольной металлургии мануфактурного периода. И поэтому можно только удивляться тому, что некоторые историки, толкуя о беспочвенности и даже о крахе петровской политики «парникового» культивирования мануфактур, не заметили, что именно после Петра I Россия вышла на первое место в мире по производству железа, снабжая им не только свой, но и мировой рынок. Один этот факт свидетельствует о том, что беспочвенными следует признать не русские мануфактуры крепостной эпохи, а лишь псевдоучёные разговоры о беспочвенности их у нас.

«Столь же беспочвенными я считаю и все разговоры о некапиталистической природе русской мануфактуры. Попытки умалить значение русской мануфактуры в развитии капитализма в России и русской фабрики путём приклеивания к этой мануфактуре ярлыка «крепостная» несерьёзны. Суть этой концепции сводится к такому примерно силлогизму: капиталистическая эксплуатация предполагает свободный труд, но в условиях феодализма мы находим лишь труд закрепощённый, т. е. в большей или меньшей мере зависящий от тех или иных феодальных пут. Стало быть, в феодальном обществе может быть речь только о крепостной мануфактуре. По той же формалистической логике, и фабрика крепостного общества должна быть признана крепостной. И значит, капиталистическими русская мануфактура и фабрика стали лишь вдруг, по «манию царя» 19 февраля 1861 года.»

Такая логика чужда марксизму, ибо в ней нет ни грана диалектики. Полной свободой трудящийся люд крепостной России действительно не располагал. Но всё же степень свободы крепостных и посессионных крестьян, сельского населения казённых и дворянских волостей и посадских тягловых была весьма различной. Очень ограниченной у них всех была свобода передвижения. И всё же практика вовлечения рабочей силы в мануфактурное производство по вольному найму была очень широкой. Но даже и в тех случаях, когда мы имеем дело с привязанным к заводу крепостным или посессионным трудом, он, по общему правилу, эксплуатировался на базе сдельной или повремен-

ной его оплаты, т. е. методами экономической стимуляции, иначе говоря, по образцу капиталистической эксплуатации вольнонаёмного труда. Лишь в совершенно исключительных случаях на отдельных восточных мануфактурах имела место сменная работа крепостных — «брат на брата», без всякой оплаты, т. е. на базе свойственной феодализму системы внеэкономического принуждения. В различных сочетаниях всех этих градаций свободы и принуждения работающих на мануфактурах в период последней стадии отживающего свой век феодализма, несомненно, сказался переходный характер этой эпохи. Но всякое явление следует изучать в его развитии.

Капиталистические формы эксплуатации, возникая ещё в рамках феодализма, не могут, однако, мирно с ним ужиться. Между существующими формами разных социальных укладов неизбежно должны нарастать противоречия, и победителями в результате их борьбы выходят лишь наиболее прогрессивные, т. е. наиболее производительные формы труда.

В XVII—XVIII вв. капиталистический уклад представлял лишь крепнувшие зачатки нового хозяйственного строя. И если в тогдашней мануфактуре наёмный труд ещё конкурировал кое-где с барщинным, заработная плата — с батогами и тому подобными феодальными методами стимулирования труда, — то нетрудно всё же разобраться, какая из этих форм была основной и нормальной формой развития крупного производства на данном этапе, а какие элементы в ней нужно считать лишь временными отклонениями от этой нормы или даже прямыми феодальными её извращениями, неспособными надолго удержаться даже в благоприятствующей им крепостной среде.

Для нас должно быть ясно, что рождению фабрики предшествовал известный период её утробного развития и роста ещё в недрах феодализма. Мануфактура выростала из недр феодального строя не только в России, но и во всех других странах европейского континента. И, однако, классики марксизма ни в одной из них не усмотрели такого облюбованного образования, как «крепостная мануфактура». Признав за пореформенной фабрикой капиталистическую природу, мы не имеем оснований отвергать её и для до-реформенной мануфактуры, из которой она органически выростала.

Природу мануфактуры крепостного периода нужно признать принципиально чужеродной феодализму, если она влекла за собою его революционное преодоление. Коль это так, то необходимо отказаться от отрицания капиталистической природы русской мануфактуры только потому, что она возникла и развивалась в крепостной оболочке. Не пора ли усвоить наконец взгляд, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя»¹³.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 406.

¹³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 123. М. 1938.

Это могло бы застраховать от многих эко-
роеспелых выводов о природе тех «новшеств»
старого строя, какие приобретали в нём
вполне закономерно явный отпечаток по-
родивших их недр.

Далеко не все историки квалифицируют
всю русскую мануфактуру крепостной эпохи
в качестве крепостной. Более умеренные
сторонники этой концепции сохраняют эту
характеристику лишь за известным перио-
дом в развитии мануфактур в России. Так,
например, Н. Л. Рубинштейн приурочивает
эту квалификацию к русской мануфактуре
XVII и начала XVIII в., которая, по его опре-
делению, «была лишь придатком к поме-
щичьему крепостному хозяйству» и на смену
которой капиталистическая мануфактура
приходит уже только с 40-х годов XVIII в.¹⁴
отмеченным ростом «капиталистической ма-
нуфактуры русского Манчестера»¹⁵. В от-
ношении мануфактур XVII и начала XVIII в.
Н. Л. Рубинштейн определено заявляет,
что они «являлись мануфактурами лишь по
внешним формальным признакам, в действи-
тельности же представляли чисто крепост-
нические вотчинные предприятия — государ-
ственные или частные — и стояли ещё вне
капиталистического развития русской ману-
фактуры»¹⁵. По каким именно признакам
автор приписывает петровским мануфакту-
рам некапиталистическую природу, он не со-
общает. Тем не менее несомненно, что, сбли-
жаясь в этой своей концепции с Туган-Ба-
рановским, он удаляется от позиций мар-
ксизма.

И Маркс и Ленин знали только три ступе-
ни в развитии промышленного капитализма:
от мелкой товарной мастерской с простой
капиталистической кооперацией труда, через
капиталистическую мануфактуру, к капи-
талистической фабрике. На этом пути мел-
кий буржуа превращается в крупного капи-
талиста, всё время оставаясь в пределах
одного и того же уклада. И в эту вполне
однородную трёхступенчатую цепь развития
логически никак не укладывается ещё одно,
четвёртое, звено «внекапиталистической»
мануфактуры, без насильственного разрыва
этим чужеродным звеном всей цепи. Факти-
чески его и не было вовсе. В самом деле,
спросим себя: по какому решающему призна-
ку капиталистическое предприятие отли-
чается от всех иных? Нет сомнения, что
вполне достаточным и необходимым призна-
ком такого предприятия является наличие в
нём самого капитала. И капиталист и феодал,
эксплуатируя чужой труд, извлекают из не-
го прибавочный продукт и прибавочную стои-
мость. Но в методах этого извлечения заклю-
чается принципиальное различие. Помещик
выжимает из своих крепостных феодальную
ренту без всяких вложений, действуя лишь

методами внеэкономического принуждения.
Это возможно, однако, лишь постольку, по-
скольку крепостной крестьянин может ещё
сам, собственным инвентарём обработать и
свою и чужую землю. Но чтобы извлечь
предпринимательскую прибыль из какой-
либо мануфактуры, её нужно предвари-
тельно построить и обеспечить повседневное
содержание обслуживающих её рабочих, что
требует значительных в неё вложений и по-
стоянного и переменного капитала. (А при
заведомом наличии этого основного призна-
ка у всех петровских и допетровских ману-
фактур можно ли отрицать их капитали-
стическую природу?)

Внекапиталистическим можно бы назвать
лишь такое вотчинное предприятие, какое
феодал построил бы у себя за счёт своих
доходов не ради извлечения прибыли, а лишь
для собственного потребления в пределах
своей вотчины. Такие подсобные вотчинные
мастерские на два, например, суконных ста-
на, для обеспечения лакеев барина собствен-
ной ливреей и тому подобных надобностей,
бывали, конечно, в дворянском быту крепост-
ной России. (Однако их мы не назвали бы
мануфактурными. И не о них, разумеется,
идёт речь, когда мы говорим о мануфакту-
рах XVII—XVIII веков.)

Можно предвидеть для признания ману-
фактур капиталистическими и другие тре-
бования, помимо их служения расширенному
воспроизводству капитала. Например, мож-
но погребовать, чтобы на них применялся
только вольнонаёмный труд, и все предприя-
тия, не удовлетворяющие этому требованию,
объявить оптом внекапиталистическими. Но
едва ли такие требования будут законными.
Формирование таких классов, как буржуазия
и пролетариат, — это длительный процесс. И
нельзя ожидать, чтобы уже в феодальную
эпоху они обладали всеми чертами, какие
вводят их развитие после падения основ
феодализма. Напомним, кстати, что до рефор-
мы 1861 г. у нас было немало мануфактур,
на которых не только рабочие, но и хозяева-
капиталисты числились за кем-либо крепост-
ными. Было бы, однако, неправильным за
юридическими формами проглядеть экономи-
ческое содержание общественных отношений
расцветающего капитализма. Можно заранее ска-
зать, что возникшая в условиях феодализма
мануфактура испытывает на себе всё много-
образие влияний крепостного уклада. Однако
в любых своих, даже наиболее феодальных
обличьях она своим ростом отменяла лишь
победное шествие капитализма.

Очень показательным, что первые русские
мануфактуры XVII и начала XVIII в. вопреки
мнению и Туган-Барановского и Н. Л. Рубин-
штейна менее всего могли бы подойти под
определение «крепостных» даже с точки
зрения социального состава рабочих и пред-
принимателей. В числе последних почти во-
все не встречаются помещики, а среди пер-
вых, по данным 1737—1740 гг., на долю по-
мещичьих крестьян приходилось всего 5%,
да и те, конечно, работали за плату, наравне
со всеми другими группами. Лишь начиная с
1740-х годов значительная часть рабочих на
мануфактурах была прикреплена к ним на-
вечно царскими указами. Со второй полови-

¹⁴ Рубинштейн Н. «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке». «Учёные записки МГУ». Вып. 87-й, стр. 112—113. М. 1946.

¹⁵ «Волжские истории» № 12 за 1947 г. стр. 75.

ны века умножилось и число дворянских мануфактур, особенно в суконной промышленности. Между тем Н. Л. Рубинштейн именно к этим годам второй половины XVIII в. приурочивает свой мнимый «переломный момент» от крепостной к капиталистической мануфактуре.

«Если говорить о зачатках капиталистических отношений в России, то они возникли значительно раньше XVII века». На западе такие зачатки Маркс относит ещё к XIV и XV столетиям¹⁶, у нас они появляются не позже XVI века¹⁷. Если же говорить о первом крупном скачке, о первых победах, открывших новую эру мануфактуры в развитии русской промышленности, то такой переломный момент, несомненно, относится уже к петровской эпохе.»

В самом деле, известно, что впервые железно-петровских мануфактур появилось на лондонском рынке в количестве свыше 20 тыс пудов не позже 1716 г., а к концу петровской эпохи уральские домы превзошли английские не только по своей величине и экономичности, но и по общим масштабам продукции в стране. Такие крупные исторические победы русских мануфактур, конечно, не случайны, и те, кто приписывает им крепостную природу, ставят себя в довольно смешное положение, ибо такая точка зрения обязывает их либо и английские мануфактуры XVIII в. признать некапиталистическими либо объяснить победы русских превосходством крепостного уклада над капиталистическим. В обоих случаях в равной мере обнаруживается банкротство исходных позиций, приводящих к столь нелепым выводам.

Петровская эпоха, несомненно, является одним из заметнейших переломных моментов в развитии русской экономики. К стати сказать, в этот момент и в политике Россия поднимается на перевальный рубеж абсолютной монархии. И это совпадение моментов подъема отнюдь не случайно. «Современная историография доказала, — писал Маркс ещё в 1847 г., — что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла ещё перевеса над другой»¹⁸.

Абсолютная монархия в России создавалась, конечно, не в одно — два десятилетия. Решительную борьбу за власть против феодальной знати, опираясь на мелкое дворянство, как известно, начал ещё Иван Грозный во второй половине XVI века. Однако эта борьба против церковной и дворянской знати едва ли увенчалась бы успехом, если бы у царя, помимо мелких дворян, не нашлось

ещё одного союзника в лице вновь поднимающегося с низов третьего сословия.

Аристократ Курбский упрекал царя в том, что тот окружает себя и доверяет преимущественно людям «из простого всенародства и делает это из ненависти к вельможам своим»¹⁹. Демократизм грозного царя в этом отзыве, конечно, сильно преувеличен. Но с силой «простого всенародства» царь, памятуя еще совсем недавний московский бунт 1547 г., не мог не считаться.

События 1564 г., в которых купцы и другие горожане, т. е. будущая буржуазия, явились уже столь значительным противовесом могущественной феодальной верхушке русского общества, послужили началом целого переворота в политической системе Московского государства. Крупнейшие феодалы страны были разорены и обскорвлены. Их земельные вотчины поступили в передел в качестве поместий гораздо более широкому кругу менее родовитого, а то и вовсе безродного дворянства. И хотя боярская дума в течение XVII в. ещё играла по инерции известную роль наряду с царской властью, победа абсолютизма в стране к воцарению Петра Великого оказалась полной и окончательной. Для нас, однако, эти политические сдвиги представляют интерес здесь лишь постольку, поскольку они являются весьма осязательным следствием достаточно глубоких экономических процессов разложения феодального общества начиная уже с XVI века.

Основной характеристикой феодального общества является натуральный строй его хозяйства, и потому рост общественно-го разделения труда и вытекающая из него необходимость товарного производства для рыночного сбыта неизбежно влекут за собою разложение феодализма. Крупное землевладение являлось хозяйственной базой феодальных общественных взаимоотношений. Царь, а раньше и удельные князья наделяли землей своих бояр и дружину за их военную службу; бояре и дворяне, получая эти земли в вотчину или во временное владение, поместье, «кормились», передавая в свою очередь часть этой земли за отработки и оброки крестьянам-земледельцам. Вся эта феодальная иерархия господства и зависимости стояла, однако, незыблемой только до тех пор, пока плата за землю, или земельная рента, взималась натурой — службой и трудом или продуктами этого труда. С переходом от натуральных оброков и повинности к денежным начинается разложение феодализма. К какому же времени надо отнести заметное проявление этих первых признаков разложения феодальных отношений в России?

Целый ряд фактов позволяет нам заключить, что зарождение денежного хозяйства, основанного на товарном производстве и обращении, имело у нас место не позже второй половины XVI века. Уже начиная с 1551 г. почти все государственные повинности в России переводятся из натуральной формы в денежную. Ещё важнее в этом от-

¹⁹ Соловьёв С. «История России с древнейших времён». Т. VI, стр. 159. 3-е изд.

¹⁶ См. К Маркс и Ф Энгельс Соч. Т. XVII, стр. 784.

¹⁷ Напомним, что Б. Д. Греков «зачаточные формы товарного производства и денежных отношений» усматривает у нас уже в конце XV и в первой половине XVI века. «Крестьяне на Руси», стр. 674. М 1946

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 212.

ношении массовый переход за тот же период с натурального оброка на денежный в помещичьих владениях. Если до этого времени, как свидетельствуют писцовые книги Вотской пятины, денежный оброк платили всего от 6 до 9% всех крестьянских хозяйств, то к 1545 г., по данным Бежецкой пятины, этот процент поднялся уже до 26; по данным Обонежской пятины, к 1565 г. — до 76, а в последнее десятилетие XVI в. в целом ряде вотчин центра уже вообще не наблюдалось натурального оброка²⁰. Конечно, это означало наличие уже достаточно широкого внутреннего рынка на продукты деревни и, стало быть, свидетельствовало о соответствующем росте разделения труда между городом и деревней со всеми вытекающими отсюда последствиями. Известно, например, что из одного лишь Ярославского края по дороге в Москву провозилось тогда ежедневно до 700—800 возов зерна на продажу. Ко второй половине XVI в. относятся также указания на целый ряд весьма оживлённых ярмарок на Мологе, в Белозёрском монастыре, Балахне, Москве и Казани, у Макарья и на двухнедельной петровской ярмарке в Острове, куда съезжались купцы из Москвы, Новгорода, Литвы и Ливонии. Не следует забывать, наконец, что с 1555 г. в России уже завязалась довольно оживлённая внешняя торговля с Англией через Архангельск.

Если, однако, при натуральном хозяйстве земельная рента была ограничена весьма элементарными потребностями семьи землевладельца в продуктах деревни, то с развитием городского рынка и денежных оброков стимулы феодалов к повышению земельной ренты за счёт эксплуатации крестьянского труда сразу, скачкообразно возросли в огромной степени. И если раньше крестьянам хоть кое-где не только на свободных, черносошных, землях, но и на землях, подвластных крупным феодалам и монастырям, жилось более или менее сносно, то теперь у дворянской мелкоты положение резко ухудшилось. Правда, цены на хлеб в центре с 30-х до 80-х годов XVI в. возросли с 20 до 40 денег за тогдашнюю четверть ржи, т. е. вдвое, при неизменном содержании металла в рубле но налоги и оброки опережали этот рост.

Цены на землю поднялись с 0,3 рубля в первую половину XVI в. за десятину до 0,7 рубля — во вторую. Оброк с одной обжи, или выти, в Новгородских пятинах, достигавший в 1495—1500 г. 4 гривен, или 56 новгородских денег, к 1564 г. поднялся до 6 гривен (84 денег), а к 1574 г. — уже до 200 денег²¹. О повышении налогов за вторую половину того же века можно судить по следующему факту: в дворцовых волостях Тверского уезда крестьяне платили с 1300 четвертей земли в первой половине века столько же, сколько к концу века с них

стали требовать за 400 четвертей²². Из расчёта на единицу площади это означало возрастание податного бремени в три с четвертью раза. Вместе с тем рост цен стимулировал рост барской запашки, обслуживавшейся даровым крестьянским трудом. Чем ценнее становилась земля, тем более претендентов находилось на овладение ею. Нуждавшийся в союзниках против боярской знати Иван Грозный очень охотно и широко стал раздавать в поместья на кормление этим претендентам не только конфискованные земли крупных феодалов, но и все подходящие черносошные, крестьянские земли. Уже одна эта массовая экспроприация земли у крестьян должна была вызвать соответствующую реакцию. Но и переход земли из владений крупных феодалов и монастырей, подельзовавшихся рядом податных льгот и судебным иммунитетом, в руки рядового служилого дворянства был нелёгким для населявших эти владения земледельцев. Чем меньше было владение, тем большей оказывалась для земледельцев отработочная и денежная рента, не говоря уже о прямых насилиях и грабежах, весьма обычных во времена опричнины.

Ближайшим результатом всего этого было резкое обнищание феодальной деревни, массовое бегство крестьян на свободные просторы юга и Заволжья, запустение бывших населённых имений центра и длительный аграрный кризис. Огромная доля пашни была заброшена и обращена в залежь. В поместьях Псковского уезда в 80-х годах XVI в. оставалось под пашней всего около 1600 десятин, а под залежью — 18 тыс. десятин²³. В одиннадцати станах Московского уезда, по данным писцовых книг 1584—1586 гг., на 24 тыс. дес. пашни оказалось почти 120 тыс. дес. земли запущенной и заброшенной, частью даже уже поросшей лесом. В Бежецкой пятине в 1551 г. под перелогом и лесом было всего 6,4% запущенной пашни, в 1564 г. — 20,5%, в 1584 г. — 95,3%²⁴. Несомненно, что столь резкое сокращение производства хлеба и было непосредственной причиной вышеуказанного удвоения цен на него.

Средний размер пашни на один крестьянский двор, по некоторым расчётам, составлял в центре до 70-х годов XVI в. 12,3 дес. в трёх полях, а в конце века — только 6,6 десятины²⁵. Из полуторы тысячи вытей земли, арендовавшихся у Кириллова монастыря во второй половине XVI в. его же крестьянами, 1075 засеялись монастырскими семенами. Таким образом, свыше 70% пашни обрабатывалось здесь крестьянами, не имевшими даже чем засеять свои участки²⁶. Немудрено, что

²² Соколовский П. «Экономический быт земледельческого населения России», стр. 46 СПб. 1878.

²³ Рожков Н. «Исторические и социологические очерки». Ч. 1-я, стр. 64. М. 1906.

²⁴ Яницкий Н. Указ соч.

²⁵ Сташевский Е. «Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича», стр. 44. 1913.

²⁶ Платонов С «Лекции по русской истории», стр. 220. Петроград 1917. 10-е изд.

²⁰ Рожков Н. «Происхождение самодержавия в России», стр. 41, сл. М. 1906.

²¹ Яницкий Н. «Экономический кризис в Новгородской области XVI века», стр. 121—122. К. 1915.

в этих условиях дворяне, поселяя на свои запустевшие земли крестьян, вынуждены были выдавать им и денежные и семенные ссуды в «подмогу», а крестьяне всё чаще закаблялись ими в качестве неоплатных должников на всю жизнь.

Ещё ярче свидетельствует о степени расчленения и обнищания известных слоёв деревни сильно участвовавшая в эпоху аграрного кризиса практика добровольной записи в пожизненное рабство по так называемым служилым кабалам. Во второй половине XVI в они стали встречаться, по некоторым подсчётам, в 18 раз чаще, чем в первой. Формально эти кабалы представляли собою простые заёмные письма с обязательством должника за рост «по вся дни служити у кредитора». Но при этих условиях бесплатной службы записавшийся в служилую кабалу, разумеется, не имел никаких шансов на выплату долга и обычно оставался холопом вплоть до смерти своего хозяина. По одной Новгородской области с 1591 по 1609 г. таких кабал, по весьма неполным данным, насчитывается свыше 2566, а записанных в них холопов — 4473 души²⁷. По сделанному мною подсчёту, эти 4473 души были закабалены на всю жизнь всего за 7384 руб., в среднем по 1 руб. 63 коп. за человека, с колебаниями от 30 коп. до 15 рублей. Для сравнения укажем, что рабочая лошадь в те же годы расценивалась от 1 руб. до 1 руб. 50 коп., корова — 60 коп., следовательно, человек продавался нередко дешевле скотины. Среди покупателей преобладали, конечно, помещики-дворяне и боярские дети, но немало было и церковников, от дячков до митрополита, приказных и торговых людей, попался даже один сапожник. Что касается закабалённых холопов, то социальный состав их и занятие до закабаления, насколько это отражено в кабалах, представлены в следующей таблице:

Показанное занятие	Число кабал
Разные послужилцы, отпущенные холопы и пр.	239
Живали в бобылях	86
Жили походя по наймам, в казаках (батраках)	78
Малолетние сироты, дети от 6 лет	71
Крестьяне и крестьянские дети, пащеные люди	37
Вдовы бобыльские и пр.	33
Нищие	25
Ремесленники	20
Разночинцы	13
Непашенные люди, жильцы	10
Не служивали ещё, вольные люди	383
Итого	1000

Большинство этих «вольных людей» — выходцы из припадающей деревни. Из посадской среды среди закабалённых в нашей

таблице гораздо меньше народу. Из мастеровых: шесть портных мастеров и один ученик, сбжавший из ученья, четыре сапожных мастера, два плотника, работник с соляной варницы, колачник, вязальщик чулок, кошкол, ямищик и др.; из разночинцев: неудавшийся сын попа, несколько пономарей, сын торгового человека, бывший стрелец, дружинник, «веселой» (скоморох) и т. д. Били челом в холопство эти люди и целыми семьями — до 10 человек по одной кабале — и по одному человеку. Детей закабляли родители. Взрослые сами запродавались. Продавались с голоду, конечно²⁸. Продавались тысячами. В одной Новгородской земле мы смогли насчитать продавшихся в кабалу до 4½ тысяч, при условии, что до нас дошла едва одна четверть кабальных книг по данной области за соответствующие годы и что население этой области не достигало и одной десятой населения всего государства. Сколько же их насчитывалось в эти годы по всей стране!

Лишённые средств производства и свободные распоряжаться своей рабочей силой, многие тысячи этих потенциальных пролетариев не стали ими реально уже к началу XVII в. только потому, что тогда ещё не было достаточного спроса на волнонаёмный труд. К тому же с начала XVII в. правительство реагировало на небывалое запустение своих и помещичьих владений законодательными прикрасами крестьян к земле и насильственным возвращением к месту приписки всех беглецов. Хотя крепостное право и продолжало развиваться, но его успехи не могли всё же приостановить дальнейшего развития денежного хозяйства, а вместе с последним росло и общественное разделение труда в стране, расширялся внутренний рынок и усиливалось социальное расчленение города и деревни, воспроизводившее всё новые кадры пролетаризированной рабочей силы. Когда же усилились Петра I было «прорублено окно» на мировой рынок, все предпосылки для возникновения капиталистической мануфактуры в России были уже налицо.

Говоря о «трудности» привлечения на мануфактуру рабочих в петровскую эпоху и утверждая, что крупное производство в эту эпоху могло развиваться только на базе принудительного крепостного труда, у нас забывают прежде всего о том, что помимо крепостного населения, в России всегда было немало и других его категорий. Как известно, крепостное население России в общем итоге, по данным второй ревизии (1742 г.), не превышало 52%, а к концу крепостной эпохи, по данным десятой реви-

²⁸ В подлинных кабалах то и дело читаем такие сказки: Кузьмы Матвеева, 25 лет (1603 г.) — «жил в бобылях... а теперь для голоду бьёт челом в службу»; Сава Иванова, 17 лет, «жил в бобылях... а бьёт челом в службу от голоду»; Ивашки Самушина с том, что «отец его живёт во крестьянских... а он от голоду бьёт челом в службу»; вдовы Вярлары Хотилевой, что «отец её живёт в бобылях... а она от голоду бьёт челом в службу» и т. д. (там же. Т. II, стр. 118, 124, 142, 143, 186 и др.).

²⁷ «Новгородские записные кабальные книги 100—101 и 111 годов». Издание Академии наук. М.—Л. 1938. 475+444 стр.

зии (1859 г.), уже едва достигало 30,7%²⁹. Стало быть, для формирования первых рабочих кадров мануфактур в России можно было легко обойтись и без крепостного труда. Наиболее подготовленные для этого формирования элементы находились, конечно, среди кустарно-ремесленного населения городов и селений. Но на роль необученных рабочих людей, для обучения в процессе производства годились и гораздо более широкие слои беднейшего населения города и деревни, не исключая даже и помещичьих крестьян тех районов, где преобладала оброчная система их эксплуатации. Подушной податью и оброками облагались ведь всё тяглое население. И отпущенный помещиком на заработки оброчный крестьянин, нанявшись, скажем, на купеческую мануфактуру, ничем уже обычно не отличался там от других наёмных рабочих, кроме разве того, что выплачивал из своего заработка за оброк и налоги большую, чем другие, долю.

Городецкое население того времени было невелико, но всё же к половине XVII в. оно превысило уже полмиллиона. По сравнению с потребностью в рабочей силе первых мануфактур этот итог не так уж мал. А между тем, помимо посадских ремесленников, в стране готовилось немало опытных рабочих кадров и в многочисленных промышленных селах, пользовавшихся широкой известностью еще с XVI—XVII вв., таких, например, как Павлово и Ворема, Иваново и Кохма, Брейтово и Черкасово, Кимры, Арзамас, Сергач, Лысково, Мурашкино и многие другие. Но всего значительнее в стране на тогдашнем рынке труда были, конечно, резервы необученной рабочей силы.

Так, уже в конце XVI в. только у трёх братьев — промышленников Строгановых — на соляных варницах, в извозе и на рубках леса работало до 10 тыс. человек из разного пришлого к ним люда³⁰. Очень велик был крестьянский отход каждую весну на речной транспорт — в гребцы и бурлаки, кормчие и ярыжные. Ярыжные в 1635 г. зарабатывали при этом за один день пути «вольного ценю» около 16 коп; в 1649 г. — 19 копеек. Лишь на одном Сухоно-Двинском пути в 1635 г. учтено 1693 таких ярыжных³¹. В селе Лаишеве, на Каме, для перевозки соли из Перми в начале XVIII в. собиралось ежегодно свыше 20 тыс. крестьян, предоставлявших себя в наём. В село Моршу, где скопилось много хлебных гру-

зов, к открытию навигации приходило ежегодно до 25 тыс. рабочих³².

Мы назвали для примера только три пункта, в которых сосредоточивалось в поисках заработка, однако, до 46 тыс. рабочего люда. Эта цифра уже в несколько раз превышает число рабочих, занятых на всех мануфактурах петровской эпохи³³.

«Приведённое сопоставление в достаточной степени обнаруживает всю лёгковесность утверждений о том, что в петровскую эпоху невозможно было базировать мануфактуру на вольнонаёмном труде. «Подлая безнадёжность этой позиции Туган-Барановского и его новейших последователей, однако, яснее всего вскрывается самым фактом формирования петровских мануфактур за счёт вольнонаёмных кадров, фактом, от которого никуда не уйдёшь.

★

Факт этот очень хорошо известен специалистам. Но для широкой публики, дезориентированной ходячими у нас представлениями о крепостной природе российских мануфактур, можно освежить в памяти несколько свидетельств и цифр.

Мануфактуры XVII в. не могли базироваться на подневольном труде уже потому, что почти все они принадлежали иноземцам, а право приобретения населённых мест и крепостных являлось монопольной привилегией российского дворянства. Поэтому в разрешении XVII в. иноземцам строить заводы имеются специальные оговорки: «А куплею (ым) ни у кого никаких земель не купить... и деревень не строить и крестьян не зводить и лишних иноземцев у железного завода не держать, а наймовать к тому делу всяких русских людей по доброте, а не в неволю»³⁴. Конечно, это не исключало возможности использования на таких заводах и некоторого числа подневольных работников, например, из военнопленных или приписных крестьян — за оброк. Но, по имеющимся подсчётам, подневольный труд был не правилом, а исключением. Так, например, если даже отнестись все сомнительные случаи к таким исключениям, один из таких подсчётов по описям заводов Марселеса и Акемы с 1647 по 1690 г. насчитывает на их свыше 80% безусловно вольнонаёмных производственных рабочих, не считая служащих³⁵. По моим подсчётам, со включением всего учтённого в описях персонала, этот процент ещё выше, и к 1690 г. поднимается до 100.

В петровскую эпоху число иноземцев среди «фабриканов» являлось уже незначительным, но большинство заводчиков, будущи попрежнему выходцами из торговых и

²⁹ В. И. Семевский определял число крепостных по второй ревизии в 3443 тыс. душ муж, пола из общего числа 6620 душ муж пола, учтённых по всем податным группам (кроме дворян и духовенства) «Крестьяне в царствование Екатерины II». Т. I, стр. 17. СПб. 1903; см. также Лященко П. «История народного хозяйства России», стр. 232 М. 1939, «К и з е в е т т е р А. «Посадская община в России XVIII ст., стр. 81 М. 1903.

³⁰ Флетчер «О государстве русском», стр. 69. СПб. 1906.

³¹ «Исторические записки». Т. VI за 1940 год, стр. 167—194.

³² «Материалы по истории крестьянской промышленности», стр. 11. 1935.

³³ По моим подсчётам, на всех мануфактурах петровской эпохи с числом заводских рабочих не ниже пятнадцати их оказалось менее восемнадцати тысяч.

³⁴ «Крепостная мануфактура». Т. I, стр. 261—262.

³⁵ Бакланов, Мавродин В, Смирнов «Тульские и каширские заводы», стр. 99. М.-Л. 1934.

других недворянских кругов, не могли владеть крепостными и уже поэтому пользовались вольнонаёмным трудом. К концу петровской эпохи из 48 мануфактур с числом рабочих свыше 15 не более двух принадлежали дворянам³⁶. Уже из этого можно заключить, что общей нормой и в петровскую эпоху было использование наёмного труда. Это подтверждается и содержанием указов, разрешающих открытие новых мануфактур. В каждом из них мы находим обычно требование содержать предприятие «своими наемными людьми», «платя им за труды достойную плату», причём нанимать обычно предлагалось «из свободных, а не из крепостных»³⁷. Правда, до нас дошло немало жалоб от заводчиков того времени на недостаток рабочих рук. Но едва ли им следует особо доверять: очень много зависело от палочного режима и порой совершенно недостаточного уровня оплаты труда рабочих. На Урале население было реже, чем где-либо. Но и там, если скажем, один из нанимателей, комиссар Алапаевского казённого завода, жаловался в 1720 г., что «вольных работников достать невозможно», то другой из них, Геннин, в ответ на сенатское запрещение найма вольных рабочих на казённые заводы утверждал в 1726 г. обратное, что «в прошлом году вольных рабочих было множество» и от них «в заводской работе великая была помощь», а после запрета «всё прекратилось», и хотя при заводах числился 25 тыс. приписных крестьян, но годных к работе не более 6 тысяч³⁸.

Преимущества вольнонаёмного труда перед подневольным уже и в ту эпоху были вполне ощутимы. Ещё яснее это стало после указа 18 января 1721 года. Внимая многочисленным жалобам на недостаток рабочих, указ разрешал «для размножения заводов как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно». Из этого разрешения прежде всего явствует, что все петровские мануфактуры, основанные ранее 1721 г., не располагая таким правом покупки, вынуждены были довольствоваться вольнонаёмным трудом. Но особенно показательно, что и после указа 1721 г. никто из предпринимателей не торопился использовать предоставленное им право. И это вполне понятно. Прежде всего, приобретая к заводам деревни, пришлось бы помимо вложений капитала в промышленное предприятие, делать ещё немалые вложения в гораздо менее рентабельное сельское хозяй-

ство. Отвлекать от земли к заводской работе можно было из деревни только часть её населения. Например, по указу 1759 г., заводчикам предоставлялось право покупать «к каждой доменной печи 100 дворов, а к молоту — 30 дворов, считая в каждом дворе по 4 годных в работу человека». Значит, к заводу в 1 домну и 2 молота, стоившему до 5 тыс. руб., нужно было прикупить по этой норме до 640 (160 × 4) крестьян рабочего возраста с уплатой за них самое меньшее — до 16 тыс. рублей. А вольных рабочих потребовалось бы на такой завод всего 30—40, и их можно было заполучить без всяких капитальных вложений, кроме текущей заработной платы, немедленно реализуемой в товаре. Кроме того заводчики больше всего нуждались в обученных мастерах, а деревня могла дать лишь чернорабочих >

Конечно, покупки крепостных заводчиками в отдельных редких случаях могли иметь место и в петровскую эпоху. Е. И. Заозерская отметила, например, у мелкого заводчика Льва Логинова наличие «купленных крепостных крестьян». Несомненно, имелись покупные крестьяне и у Демидова. Но вот, по данным переписи 1733—1734 гг., т. е. спустя восемь лет после смерти Петра I, на Невьянском заводе Демидова из 1291 человека «рабочих людей» оказался только один (!) «купленный Демидовым крестьянин»³⁹. Можно, вероятно, подобрать ещё два—три случая покупки крестьян к заводам в петровскую эпоху, но уже самой своей исключительностью они лишь подтверждают непригодность этого метода комплектования заводских кадров в качестве общего правила.

На частных мануфактурах петровской эпохи можно найти еще несколько десятков заводских рабочих из числа отданных заводчикам казённых мастеровых или приписных крестьян, работавших там наравне с вольнонаёмными за плату. Но и они составляли в петровское время ничтожное меньшинство⁴⁰. Наконец, кадры тогдашних мануфактур в ту же эпоху могли восполняться такими элементами, как бродяги, проститутки, арестанты. Это не было особенностью одних лишь русских мануфактур. По свидетельству Туган-Барановского, «рабочий персонал германских мануфактур того времени состоял преимущественно из разного рода невольных людей — нищих, бродяг, преступников, сирот и т. д.»⁴¹. Особенностью петровских мануфактур было как раз то, что подобные элементы не играли на них сколь-

³⁶ Струмилин С. «Петровская мануфактура». Стенограмма лекции. М., 1945. Считая совершенно незакономерной нынешнюю практику историков включать в число мануфактур мелкие мастерские с любым числом рабочих, я насчитал к 1725 г., даже включая сюда все казённые, не более 80 бесспорных мануфактур. Мастерских было конечно, гораздо больше, но они и подавно пользовались лишь наёмным трудом.

³⁷ Заозерская Е. «Мануфактура при Петре I», стр. 112. М.-Л., 1947.

³⁸ Заозерская Е. Указ. соч., стр. 115—130.

³⁹ «История пролетариата СССР». Т. I, стр. 155. 1930.

⁴⁰ Например, у Демидова даже на бывшем казённом Невьянском заводе (вместе с Шуралинским его отделением), по данным переписи 1717 г., таких «отданных» вместе с «купленными» оказалось всего 70 чел. из 910 душ м. п., т. е. менее 8%. Все остальные оказались пришлыми. Там же, стр. 147.

⁴¹ Туган-Барановский М. «Крепостная фабрика». Сборник «Великая реформа». Т. III, стр. 141. М. 1911.

ко-нибудь заметной роли Достаточно сказать, что в известной сводной «Ведомости мануфактурколлегии» 1727 г., в которой перечислено свыше 60 предприятий, оказалось возможным найти только на одной кабинетской столичной мануфактуре в числе 148 рабочих 7 «невольниц» и одного «невольника»

Нужно быть очень нетребовательным к логике фактов, чтобы вслед за Туган-Барановским в указанных условиях признавать «крепостной» не германскую, а русскую мануфактуру в петровское время Мануфактуру первой четверти XVIII в. нельзя назвать капиталистической, смело утверждает, например, Е. И. Заозерская, ибо «на ней применялся и свободный и принудительный труд»⁴². Но мне представляется несправильной претензия некоторых историков вовсе игнорировать количественные соотношения в подобных случаях. Наличие всего 7 «невольниц» на петровских мануфактурах оказалось вполне достаточным, чтобы наложить клеймо «крепостной» уже на всю русскую мануфактуру. Не ясно ли, однако, что в подобных суждениях можно усмотреть лишь издевательство над здравым смыслом и логикой?

Сознавая крайнюю слабость своей позиции, Е. И. Заозерская непряч подкрепить её прибавлением к нескольким «невольницам» целых 25 тыс. крестьян, приписанных к уральским заводам, которые, по её мнению, должны создать количественный «перевес» подневольного труда над вольнонаемным⁴³. Но это ведь явно неправильно. Крестьяне заняты были в сельском хозяйстве, а не на

заводах, а спор идёт об экономической природе мануфактур, а не петровской деревни.) И если капиталистическая мануфактура требовала подчас от феодальной деревни заметной доли её продуктов и услуг, то ведущая роль в этих взаимоотношениях всегда принадлежала все же мануфактуре, а не деревне. Мануфактура своими массовыми потоками товарной продукции активно и непрерывно разлагала натурально-хозяйственную базу крепостной деревни, тем самым ускоряя гибель феодализма. А феодальная деревня, как бы широко она ни обслуживала своим малопроизводительным трудом нужды мануфактуры, в худшем случае могла лишь несколько затормозить победу капитализма. Конечный результат такого взаимодействия ясен. И его, во всяком случае, могли бы лишь затемнить такие понятия, как «крепостная мануфактура».

Подлинное представление о социальном составе кадров петровских мануфактур даёт нам лишь одна из переписей, осуществлённая уже лет через 12 после смерти Петра I с целью прикрепления к мануфактурам, по ходатайству заводчиков, наличного состава обученных мастеровых. За обученных рабочих из числа помещичьих крепостных заводчикам пришлось уплатить их владельцам, по этому указу, до 50 руб. за мастерового. Но это было все же гораздо выгоднее, чем покупка деревень с совершенно необученной в них крестьянской рабочей силой. На ряде мануфактур «во учинённую по силе 1736 г. указа перепись» учтено было свыше 8 тыс. работников, которые, по нашим подсчётам, распределялись следующим образом⁴⁴.

Социальный состав кадров русских мануфактур к 1736 году

Род мануфактур	Число мануфактур	В них переписано по указу 1736 г. работников											
		Разношцедев	Крестьян							Сотских детей	Иноземцев	Неизвестного сословия	Всего
			Монастырских и пр.	Казенных, творцовых	Помещичьих крепостных	Купленных заводчиками	Отданных им	Итого					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
1. Суконные .	12	4 194	612	457	79	—	—	1 148	130	54	5	5 531	
2. Полотняные .	8	885	282	284	170	10	16	712	—	—	2	1 549	
3. Шёлковые .	8	331	105	70	59	28	—	262	16	18	8	635	
4. Бумажные .	2	202	44	31	7	—	—	82	—	—	—	284	
5. Красочная .	1	2	—	—	39	—	—	39	—	—	—	41	
6. Стекланная .	1	8	3	0	4	—	—	16	—	—	—	24	
7. Посудная .	1	13	2	—	5	—	—	7	—	—	1	21	
8. Прочие . .	2	77	18	24	5	—	—	47	—	—	—	124	
Итого . . .	35	5 662	1 066	825	368	38	16	2 313	146	72	16	8 209	
То же в % . .		69,0	12,9	10,1	4,5	0,5	0,2	28,1	1,8	0,9	0,2	100,0	

⁴² Заозерская Е. Указ соч., стр. 136

⁴³ Там же, стр. 146

⁴⁴ ЦУГАЛ. Фонд комиссии о коммерции, св. 16 № 294 В итоги приведённой таблицы не вошла лишь полотняная мануфактура За-

трапезнова — 1033 рабочих, за отсутствием данных по всем рубрикам, хотя известно, что «купленных» рабочих к 1736 г. в ней вовсе не было, а «отданных» не ранее 1727 г. было не более 69 человек.

Итоги этой таблицы, в которой учтены почти все важнейшие мануфактуры петровского времени, кроме горнозаводской отрасли, очень показательны. Ничтожный процент иноземцев — и то с преобладанием среди них поляков — показывает, что петровская мануфактура была русской по своему характеру. Очень существенно и то, что главным поставщиком рабочих кадров мануфактуры была здесь не сплошь феодальная деревня в лице различных групп крестьянства, а всякого рода «разночинцы», т. е. в основном наиболее свободная городская прослойка тогдашнего общества. При этом из деревни привлекались главным образом монастырские дворцовые крестьяне, а помещичьи крепостные не составляли и 5% в общем итоге рабочих. Что же касается «купленных» самими заводчиками крестьян и «отданных» им казённых рабочих, то они составляли совсем уж ничтожную величину — 0,7%.

Однако заводской труд оброчных крестьян, нанятых на мануфактуру, хотя бы это были и крепостные крестьяне чьих-либо помещиков, отнюдь ещё не является здесь

подневольным. К подневольному труду на мануфактурах можно бы отнести только барщинный труд крепостных самого заводовладельца. Сближаются по своему зависимому положению с крепостными заводовладельца и купленные им к заводу или отданные по указам, так называемые «посессионные рабочие», да и то с весьма существенным ограничением. Все такие привязанные законом к заводу, а не к лицу люди должны были получать плату за свою работу в порядке экономической стимуляции их зависимого труда. Число таких рабочих значительно возросло после указов Анны Иоанновны 1736 и 1740 годов. Но как бы ни расценивать их роль в последующем, для петровского времени бесспорным остаётся факт, что огромное большинство частных мануфактур того времени основывалось на вольнонаёмном труде. И мне представляется совершенно безнадежными попытки считать «крепостными» даже такие мануфактуры, которые на 99% были обеспечены вольнонаёмным трудом.